

УДК 130.2(470) + 130.2(09) + 821.161.1-311.8 Карамзин

Б. В. Емельянов
О. Б. Ионайтис**ТРАВЕЛОГ «РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»**
(к 250-летию Н. М. Карамзина)

В статье анализируются «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. На основе анализа европейской культуры и философии оценивается становление русской мысли XVIII — начала XIX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: масоны; путешествие; просвещение; философия; Россия; Европа.

Николай Михайлович Карамзин по праву считается выдающимся представителем русской культуры, выразившим ее философские поиски на рубеже XVIII–XIX вв. Говоря о своей жизни и творчестве, он неоднократно подчеркивал, что они распадаются на два периода: в одном он живет в будущем, во втором — в прошедшем. Первый он связывал со своим путешествием по Европе с мая 1789 по сентябрь 1790 г. Его мировоззренческому содержанию и значению в творчестве Карамзина мы предполагаем посвятить нашу статью.

Путешествие — одна из древнейших форм человеческого общения, идентификации себя и своего народа. Путешественники перенимали традиции и предания других народов, ретранслируя при этом культуру своего народа. Россия имела свой взгляд на путешествия, их причины и их влияние на самоидентификацию русской ментальности. После крещения Руси русские люди для путешествия выбирали «святые места» Востока (Палестину, Афон), избегая «грешных земель» Европы, а после утверждения доктрины «Москва — Третий Рим», благодаря которой русская земля сама получила признак святости, возникла тяга к путешествиям по европейским странам с их культурой и знаниями. К XVIII в. изменилась техническая сторона путешествий: появились дороги, почтовое сообщение со столицами европейских государств. Путешествующая, чаще всего образованная, публика знала европейские языки, могла описывать впечатления о виденном. Первым это сделал Д. И. Фонвизин в запрещенных Екатериной II «Путевых заметках» о своем путешествии по Франции в 1777–1778 гг.

Н. М. Карамзин по-своему продолжил европейский травелог Фонвизина. Осенью 1784 г. началась московская жизнь Карамзина. Его земляк Иван

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и философии образования Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: bve35@yandex.ru).

ИОНАЙТИС Ольга Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и философии образования Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: ionaitis@yandex.ru)

© Емельянов Б. В., Ионайтис О. Б., 2016

Петрович Тургенев ввел его в круг друзей и единомышленников Н. И. Новикова, который, в свою очередь, познакомил его с вождем московских розенкрейцеров А. М. Кутузовым и поэтом Якобом Ленцем. Новиков, сблизившись с 19-летним Карамзиным, привлек его к изданию журнала «Детское чтение» и переводческой деятельности Типографической компании. Только за три (1786–1788) года Карамзин перевел и издал несколько религиозных книг для серии «Беседы с Богом», поэму Галлера «О происхождении зла», «Эмилию Галотти» Лессинга, трагедию Шекспира «Юлий Цезарь», позже запрещенную Екатериной II. Увлекла его и просветительская деятельность московских масонов, их призыв к нравственному самосовершенствованию, хотя их мистицизм изначально отталкивал Карамзина. В масонской иерархии он так и не продвинулся. Как он сам позже вспоминал, «я был обстоятельствами вовлечен в это общество в молодости моей и не мог не уважать в нем людей, искренно и бескорыстно искавших истину и преданных общепольному труду. Но я никак не мог разделить с ним убеждения, будто для этого нужна какая-либо таинственность, — и не могли мне нравиться их обряды, которые всегда казались мне нелепыми. Перед моею поездкой за границу я откровенно заявил в этом обществе, что, не переставая питать уважение к почтенным членам его и признательность за их постоянное доброе ко мне расположение, я, однако ж, по собственному убеждению принимать далее участие в их собраниях не буду, и должен проститься» [4, 29].

Хотя московская жизнь в кругу Новикова много дала Карамзину, он почувствовал потребность в дальнейшем образовании (старый его учитель советовал прослушать лекции в Лейпцигском университете), личном знакомстве с европейской культурой, авторами известных ему книг. Исполнить это желание он смог, когда получил наследство и в мае 1785 г. отправился в путешествие по Европе, обсудив его план со своими масонскими наставниками А. М. Кутузовым и С. И. Гамалеей. Впереди были Германия, Швейцария, Франция, Англия. Все свои впечатления о Кенигсберге, Берлине, Лейпциге, Дрездене, Франкфурте-на-Майне, Страсбурге, Женеве, Лозанне, Лионе, Париже, Лондоне, разговоры с известными людьми и простыми попутчиками Карамзин заносил в путевой журнал, а позже, вернувшись на родину, он обобщил их, литературно обработал и превратил в «Письма русского путешественника», которые частями опубликовал в своем «Московском журнале» в 1791–1792 гг. и двух номерах альманаха «Аглая» в 1794–1795 гг. «Письма» сразу же вызвали живой интерес и отклики современников в русском обществе, а после того как их начали переводить и печатать на немецком, английском, французском и польском языках — и за рубежом. «Письма» стали важным мировоззренческим документом эпохи, о чем мы писали ранее [1].

Травелог «русского путешественника» — это погружение Карамзина, как он и задумывал, в мир европейской культуры и философии. По верному замечанию А. Д. Сухова, «путешествие Кармазина совершается по определенному плану и с вполне определенными целями; оно строго мотивировано. Его направляет философский поиск. Путешественник стремится познакомиться с философией Европы. И это — далеко не визиты вежливости. Его интересует, что они создают, он хочет постичь их идеи, еще не ставшие общим достоянием, методы их

работы, стиль творчества» [5, 689]. Таких встреч было несколько. Уже в июне он в Кенигсберге посетил И. Канта. Еще в Москве ученик немецкого философа Ленц рассказал о нем и его философии, что заставило Карамзина прочитать кантовские «Грезы духовидца, объясненные грезами метафизика», «Критику чистого разума» и «Прологомены ко всякой будущей метафизике». В истории философии зафиксировано несколько бесед Канта с русскими посетителями, но, вероятно, только с Карамзиным у него состоялся собственно философский разговор. Для русского путешественника Кант — глубокомыслящий, тонкий метафизик, «который опровергает и Мелебранша и Лейбница, и Юма и Боннета... которого иудейский Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zermalmende* Кант, т. е. *все сокрушающий Кант*» [2, 20]. Философ предупредил Карамзина, что написанное им «не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости». Беседа с Карамзиным убедила его, что русский путешественник сведущ в философских проблемах. Тем для трехчасового разговора у них было несколько. Кант, ссылаясь на собственный опыт, рассказал о начертанном в сердце «нравственном законе», о чувстве радости, когда поступки соответствуют ему. Обсудили они возможности и посмертной жизни. Она — вероятно, не доказуема, в нее можно только верить. По Канту, так можно сказать и о Боге — «Все вечном Творческом разуме»: «Здесь разум погашает светильник свой, и мы во тьме остаемся; одна фантазия может носиться во тьме сей и творить несбыточное» [2, 21]. Поговорили они и о Лафатере, в переписке с которым оба состояли. Он добрый человек, замечает Кант, но «имея чрезвычайно живое воображение, часто ослепляется мечтами, верит магнетизму» [Там же]. Прощаясь с Карамзиным и узнав, какие его книги он уже прочитал, философ на листке бумаги написал названия еще двух, вышедших недавно: «Критика практического разума» и «Основы метафизики нравов».

Через месяц Карамзин посетил Веймар, намереваясь познакомиться и поговорить с Виландом, Гердером и Гёте, с произведениями которых он уже был знаком. Он читал «Анналы рода человеческого» Гердера и его небольшую защищавшую Спинозу книгу «Бог», из которой в «Письмах» публикует несколько выдержек. С Гердером Карамзин встречался дважды. Их разговор касался не только немецкой поэзии, искусства Италии, но и содержания последней книги «Анналы» (полное название ее «Древнейший документ человеческой истории»), многие места которой для Карамзина остались непонятными. Гердер оставил у русского путешественника впечатление «ученого и глубокомысленного метафизика».

Два разговора Карамзина с Виландом касались литературы и лишь частично философии. Высоко оценив творчество Ш. Бонне и И. Канта, Виланд порекомендовал ему только что вышедшее исследование Рейнгольда «Опыт новой теории человеческой способности представлений», посвященное философии Канта. А вот с Гёте русскому путешественнику так и не удалось увидеться.

В декабре 1789 г. Карамзин имел встречу с естествоиспытателем и философом Шарлем Бонне, жившим в деревне Шанту близ Женевы. Разговор касался широкого круга проблем, затронутых в главных его книгах «Палингенез» и «Созерцание природы». Карамзин назвал Бонне «славным философом и натуралистом»

и договорился перевести ряд его работ на русский язык, что впоследствии частично и выполнил.

В разговоре с Кантом и Бонне речь заходила и о Лафатере, произведения которого Карамзин не только прочитал, но и обсудил в переписке с ним. Московское увлечение Карамзина взглядами цюрихского сторонника мистицизма, не без влияния работ Канта, Вольтера, Кондильяка и Мирабо, стало постепенно проходить. Карамзин принял критическую оценку Кантом мистицизма Лафатера. Для него «Кант и Лафатер как бы замыкали две границы философского пространства эпохи. И одновременно, представляя две тенденции — критическую философию и мистический энтузиазм, допускающий творение чудес и общение с душами, — кенигсбергский философ и цюрихский физиогномист принадлежали все же одной эпохе — великой эпохе немецкой культуры между Лессингом и Гегелем. Карамзин остро почувствовал не только противоположность, но и единство их как современников... Карамзин хотел выслушать обоих и не подчинить себя ни одной из точек зрения. Он не торопился встать в ряды каких бы то ни было приверженцев. Он выше всего ценил независимость мысли» [3, 63]. Но желание личной встречи со швейцарским философом осталось. Они встретились в Цюрихе 10 августа 1789 г. и полмесяца провели в разговорах. Карамзин был увлечен филантропизмом Лафатера, идеей непрекращающейся деятельности и с удовольствием записал одну из его сентенций: «Человек может делать много если захочет; и чем более он действует, тем более находит в себе силы и охоты к действию» [2, 117], которой, как мы знаем, неизменно следовал в своем творчестве.

Завершил Карамзин свое путешествие в мир европейской философии посещением мест, связанных с философами, закончившими свой жизненный путь. Больше всего таких мест он отыскал во Франции. Побывал в Пасси, где жил Б. Франклин, в церкви Св. Стефании, где погребен Б. Паскаль, а в аббатстве Св. Женевьевы нашел могилу Декарта без памятника, но с интересной надгробной эпитафией, которую прокомментировал так: «Он был первым мудрецом своего века — и справедливо. Философия прежде его состояла в одном школьном пустословии. Декарт сказал, что она должна быть Наукою Природы человека; взглянул на Вселенную глазами мудреца и предложил новую, остроумную систему, которая все изъясняет — и самое неизъяснимое; во многом ошибся, но своими ошибками направил на путь истины английских и немецких философов; заблуждался в лабиринте, но бросил нить Ариадны Невтону и Лейбницу; не во всем достоин веры, но всегда достоин удивления; всегда велик, и своею метафизикою, своим нравоучением возвеличивает сан человека, удивительно доказывая бытие Творца, чистую бестелестность души, святость добродетели» [Там же, 284].

Два гения французского Просвещения — Вольтер и Руссо особо привлекали Карамзина. Он почтил память Вольтера, посетив его дом в имении Ферне близ Женевы. Затем побывал в Эрменонвилле, где умер и был похоронен Руссо. В своих путевых заметках он писал: «Монумент его [Руссо] имеет вид древнего жертвенника; с одной стороны написано: *ici repose (homme de la Nature et de la verité, здесь покоится человек истины и природы)*; а на другой стороне изображены играющие дети с матерью, которая жержит в руке том “Эмилия”; на верху девиз Жана-Жака:

vitam impendere vero, *жить для истины*. На свинцовом гробе вырезано: hic jacent ossa J. J. Rousseau, *здесь лежат кости Руссо*» [2, 311].

Часть «Писем русского путешественника», в которой Карамзин повествует о знакомстве с социально-политической жизнью Европы, не менее впечатляюща. Описание им политического устройства швейцарских кантонов, деятельности законодательного собрания в революционном Париже, парламента и Верхнего суда в Лондоне характеризуют Карамзина не только как простого путешественника-наблюдателя, но и вдумчивого исследователя, пусть и не открыто сравнивающего различные стороны общественно-политической жизни Англии, Швейцарии, Франции с российскими аналогами. В результате сравнения Карамзин приходит к выводу, что Европа не противостоит России, у них один путь развития — путь прогресса. Под прогрессом «русский путешественник» понимал успехи просвещения, совершенствование «ума и сердца», постепенную смену общественных институтов.

По Карамзину, Россия вписывается в общие закономерности исторического процесса, в ней действуют те же законы, которые характерны и для других культур. Размышляя на эту тему, он пишет: «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее Русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами» [2, 253]. Усилиями Петра I Россия достаточно быстро начала осваивать опыт Европы: «Немцы, Французы, Англичане были впереди Русских по крайней мере шестью веками: Петр двинул нас своею мощной рукою, и мы в несколько лет почти догнали их... для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами, что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских, и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое* ибо я человек!» [Там же, 254].

Путешествуя, Карамзин изучал историю государств и народов не по книгам, а на конкретных примерах. Из его сознания постепенно выветривалась утопическая конструкция масонов. Конечно, утопия, как мечта о светлом будущем, осталась, но для общественного развития требовались действия. По мнению Карамзина, эти действия принесут результат, если будут осуществляться под эгидой самодержавия как лучшей формы правления. «Всякое гражданское общество, — пишет Карамзин, — веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан... *Утопия* будет всегда мечтою доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного счастья добродетель необходима, тогда настанет век златой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения губельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот. предадим, друзья мои, предадим себя во власть Провидению: Оно, конечно, имеет Свой план; в Его руке сердца Государей...» [Там же, 226–227].

Идеалы Просвещения, на которых Карамзин был воспитан, изначально отвергали насилие как «губельное» для общества. Судьбе было угодно, чтобы «русский

путешественник» провел три месяца в Париже в его роковые дни, вместившие самые трагические события — от падения Бастилии до казни короля. Подробно не описывая их, он сделал, однако, вывод: «Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены, и живут тихо. Французская монархия производила великих Государей, великих Министров, великих людей в разных родах; под ее мирною сению возражали науки и художества; жизнь общественная украшалась цветами приятностей; бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком... Но дерзкие подняли секиру на священное дерево, говоря: *мы лучше сделаем!* Новые республиканцы с порочными сердцами! Разверните Плутарха, и вы услышите от древнего, величайшего, добродетельного Республиканца, Катона, что *безначалие хуже всякой власти*» [2, 227–228]. Завуалированное осуждение Карамзиным революции, только в более резкой форме, ощущается на страницах «Московского журнала» и «Вестника Европы».

«Письма» — это не только глубокомысленный травелог «русского путешественника» с поразительно большим количеством фактов и наблюдений, но и размышления о России, о ее прошлом и будущем, утверждение ее равноправия с европейскими народами. Упоминаний о России в «Письмах» много. Вот одно из них: «Говорят, что наша История сама по себе менее других занимательна: не думаю; нужен только ум, вкус, талант. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из Нестора, Никона и проч. могло выйти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только русских, но и чужестранцев... У нас был свой Карл Великий: Владимир — свой Людовик XI: царь Иоанн — свой Кромвель: Годунов — и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий. Время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей Истории, и даже в истории человечества...» [Там же, 252–253].

Свои «Письма» Карамзин неоднократно редактировал, дополнял. Печатались они в разных изданиях на протяжении нескольких лет, а в начале XIX в. анонимно появились на немецком, английском, французском и польском языках. Заканчивались «Письма» русского путешественника такими словами: «...вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев! Оно через 20 лет (если столько проживу на свете) будет для меня приятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каков я был, как думал и мечтал» [Там же, 388]. В качестве документа («зеркала») жизни Карамзина — выдающегося русского писателя, журналиста и историка они дошли до нас, современных его читателей и почитателей.

-
1. *Ионайтис О. Б.* Николай Михайлович Карамзин: путешествие как поиск себя // Дискурс-Пи. 2005. Т. 5.
 2. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984.
 3. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997.
 4. *Смирнов А. Ф.* Николай Михайлович Карамзин. М., 2005.
 5. *Сухов А. Д.* Философствующий Н. М. Карамзин // Философия и культура. 2014. № 5 (77). С. 687–696.